

Докторов, Борис Зуسمанович. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории / Б. З. Докторов ; Европейский университет в Санкт-Петербурге. - СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2013. - 559 с. - **ISBN** 978-5-94380-146-4

[Подробное описание в каталоге](#)

мне пришлось заниматься в течение почти полувека. Действительно, на этом пути было много случайного, неожиданного, в том числе — и отъезд в Америку, но в целом все движение представляется монотонным, достаточно прямолинейным, внутренне упорядоченным.

Б. М. Фирсов о своем разномыслии и разномыслии в СССР

Книга Б. М. Фирсова «Разномыслие в СССР» (Фирсов 2008) представляется мне по-настоящему биографичной и «неотвратимой» в судьбе ее автора. Биографичность легко обнаруживается в тексте, неотвратимость — тоже просматривается, но все же ряд комментариев по этому поводу хотелось бы сделать. Как легко понять, неотвратимость обращения социолога к разработке тех или иных тем порождается множеством жизненных коллизий и особенностями его профессионального пути, и историко-биографический анализ позволяет во многих случаях прочертить, восстановить этот путь. Таким образом, жизненный путь социолога прописывается в истории науки и тем самым история приобретает еще одно «человеческое лицо».

Предмет книги Фирсова — общественное сознание советских людей, ее жанр — социальная история современности; по стилю она близка к исповеди социолога. Такая книга могла быть написана лишь человеком, имеющим собственный опыт наблюдений и переживаний процессов, происходивших в СССР в сороковых — шестидесятых годах. Вместе с тем она остро современна; в ней представлена динамика восприятия социальной реальности шестидесятником, которого перестройка заставила переосмыслить многое в обществе и в себе.

Заголовок этого раздела «склеен» из заголовков указанной книги Фирсова и биографического интервью с ним, проведенным за несколько лет до выхода в свет этой работы и озаглавленного «...О себе и своем разномыслии...» (И: Фирсов 2005). Тогда на мой вопрос о планах Фирсов сказал, что Фонд Форда поддержал его проект «Разномыслие в России 1953–1991 гг.», ориентированный на изучение процесса разрушения монолита советской системы. Результаты задуманных им исследований он предполагал соединить с личными впечатлениями о событиях прожитой жизни. Он многое видел и о многом думал. Но относительно части событий, современником которых Фирсов был, он считал себя лишь формальным свидетелем — в моменты, периоды их свершения они не были источниками его глубинных переживаний. Так, в биографическом интервью он замечает:

Я не герой перестройки, и тем более не прораб, как плеяда моих друзей-«шестидесятников». Я исполнил все ритуалы того времени — голосовал за Горбачёва, пока не иссяк запас его интеллектуальной энергии и решительности, утром первого дня путча вышел из рядов КПСС, прошагав

в ее рядах 39 лет, и естественно, без колебаний принял сторону Ельцина. Однако во мне созрело твердое убеждение перейти на позиции принципиальной беспартийности и не открывать беспроцентного кредита ни одному из лидеров страны, чье правление придется на последнюю половину моей жизни. К тому же в момент, когда я получал последний, надеюсь, подзатыльник от местных властей осенью 1984 г., я сказал самому себе «Радуйся! Ты стал свободным от них» (И: Фирсов 2005: 10).

Рефлексия по поводу всего прожитого и состоявшегося наступила в более зрелую пору жизни, тем не менее долг социолога и гражданина стал для Фирсова мобилизирующей основой для анализа и разномыслия в стране, и воспоминаний его собственного разномыслия.

До разработки темы разномыслия Фирсов в течение многих лет изучал аудиторию телевидения и мировые тенденции в развитии средств массовой информации, анализировал общественное мнение, исследовал проблему качества современного населения страны, погружался в мир россиян, живших на рубеже XIX и XX вв., наконец, опубликовал книгу по истории советской социологии. А еще раньше у него была блестящая карьера комсомольского активиста, партийного функционера высокого уровня и директора Ленинградского телевидения. Безусловно, опираясь на такой многообразный жизненный и профессиональный опыт, можно было приступить к изучению разномыслия. К тому же в 1992 г. Фирсов начал создавать Европейский университет в Санкт-Петербурге, а потом в течение двух сроков был его ректором.

Однако его обращение к столь экзотической теме мне было не совсем понятным, и я задал вопрос, аналогичный тому, что использовался в интервью с Т. И. Заславской: «Трудно допустить, что так просто, проснувшись как-то утром и выпив чашку кофе, ты сказал себе: “А не сочинить ли мне повестушку”?» Действительно, Фирсов согласился с тем, что подобную книгу можно было писать лишь по итогам прожитых лет, но при этом мои частные гипотезы относительно мотивации изучения разномыслия он отверг, сказав: «Строго говоря, ты не угадал. Твоей пули в “десятке” нет». И далее:

Я давно, еще в перестроечные годы, понял, что время СССР заканчивается, грядет другая жизнь, стал размышлять на тему, а почему это происходит, почему «великий могучий Советский Союз» так бесславно завершает свой исторический путь. Одно из самых убедительных объяснений тому в процессе внутренних диалогов с самим собой я связал с трансформациями сознания, с его медленным, но неуклонным развитием в сторону отказа от социалистической (коммунистической) идеи. Это была своеобразная «контр-эволюция» сознания советского общества, подготовившая крах советской системы. <...>

Ясно, что я опирался на собственное мироощущение, лучше сказать, мирочувствие. Но серьезно писать об этом, будучи директором Ленин-

градского филиала Института социологии РАН, а затем ректором Европейского университета в Санкт-Петербурге, я не мог. Не было времени (И: Докторов, Фирсов 2008: 154).

Итак, спонтанности в разработке Фирсовым темы разномыслия не было, наоборот, было медленное продвижение в понимании сознания разных групп населения, прежде всего своего поколения — «шестидесятников», и боязнь оказаться излишне назойливым в описании опыта собственного разномыслия.

Книга Фирсова — многопланова, и в значительной мере ее можно рассматривать (хотя сам автор этого не акцентирует) как исследование по истории советской/российской социологии. Поскольку главная тема книги — разномыслие, то мне показалось естественным узнать у него, можно ли найти в доперестроечных работах советских социологов признаки разномыслия. Ответ был таким: «Разномыслия могло быть больше! Но власть сильно мешала разными способами». Дальше приведу аргументацию Фирсова.

По его мнению, свободой духа, так отличавшей диссидентское движение, не обладали ни советская социология, ни основная масса профессиональных социологов на старте возрождения своей науки. Социология и ее горячие поборники находились в цепком плену государственной идеологии. Выход за «красные флажки» марксизма и обращение к иным теоретическим представлениям и взглядам на общество были сопряжены с рядом опасностей, угрожавших самой возможности продолжения творческой научной деятельности. Кроме того, необходимо сказать еще о двух факторах. Первый — *вера* в справедливость марксизма как учения об обществе, привитая в результате длительного идеологического и образовательного воздействия. Второй — *относительно слабая осведомленность* о немарксистских взглядах на развитие общества, а в ряде случаев неграмотность в том, что касалось истинной сложности и разнообразия взглядов мировой социологической науки на свой предмет. Переход к плюрализму социологического объяснения мира и развития собственного общества происходил медленно и часто внутри сознания самого исследователя.

Влияние марксистских догм Фирсов называет *первопричиной* относительно медленного развития коллективной ментальности социологов в направлении оппозиционного противостояния истмату. Советская обществоведческая (социологическая) мысль находилась длительное время в противоестественном состоянии, оставалась *искусственно замороженной* с помощью марксистской методологии вплоть до середины 80-х гг. И поэтому советская социология не решила своей главной задачи — не предсказала неизбежность ожидавшей общество трансформации.

Вследствие несвободы социологической мысли история возложила диссидентство на представителей других обществоведческих дисциплин: философов, историков, а также людей свободных профессий, среди

которых было больше беспартийных, чем среди первых социологических когорт, и потому в той среде активнее циркулировали либеральные идеи. Отмечает Фирсов и то, что власти особо «приглядывали» за результатами социологических исследований и малейшее проявление политической нелояльности обычно вело к отлучению ученого от собранных данных и возможности их анализа. Это делало социологов менее «оппортунистичными» в сравнении с другими обществоведами.

Повторю: в своей предметной направленности книга Фирсова относится к социологии массового сознания советского и постсоветского общества, но сделаю существенное уточнение — к социологии *девиантного* сознания. Другими словами, в ней рассказывается о представлениях и поступках тех групп населения, которые пытались думать о социальном устройстве страны иначе, чем предписывалось.

Инакомыслие, по-Фирсову, это одна из раскрепощенных форм общественного сознания. Разномыслие подразумевает, что человек при создании своей реконструкции картины мира серьезно критикует конституирующие этот мир идеи, но не порывает с ним. В случае инакомыслия ментальная картина мира в голове индивида радикально иная, она опирается на другой тип устройства общественной жизни. К примеру, апофеоз советского инакомыслия Фирсов видит в диссидентстве, которое опиралось на культуру поступка, связанного с экзистенциальным протестом.

Начиная работу, Фирсов исходил из «общепринятого»: восемь первых послевоенных лет были мертвым периодом истории, люди, приученные к безгласному повиновению в период «большого террора», продолжали молчать. Раскрепощение страны следует отсчитывать с марта 1953 г. и наступившей вскоре хрущёвской «оттепели». Исследование показало, что наряду с *коллективным* молчанием в стране никогда *не прекращались* индивидуальная и групповая (в малых группах) рефлексия окружающей жизни и выражение разных мнений в «укрытиях», роль которых выполняли близкие люди, спаянные совместным переживанием происходившего. Альтернативой подобной рефлексии был пессимизм выживших. Даже тоталитарный режим оказался не в силах «прекратить» тайную духовную жизнь, ибо индивидуальность человека и различия людей в отношениях с окружающим его миром заданы изначально. Отсюда вывод: единомыслие скорее частный случай, исключение из правила, *правилом же является разномыслие*.

Прожитое подталкивало Фирсова к размышлениям, составившим основу его книги. Конечно, могло случиться, что он не написал бы ее, тогда, скорее всего, ее не написал бы никто. Безусловно, в общем случае подобное можно сказать о любой сложной и оригинальной работе, но здесь мы имеем дело с таким социологическим взглядом на мир, который возможен лишь у человека, погруженного в аналогичное простран-

ство социальных отношений. Невозможность подобного индивидуализирует «неотвратимость», и у каждого она своя.

Драматическая социология

Осуществленное А. Н. Алексеевым в 1980–1988 гг. исследование невозможно отсечь от его биографии, и, наоборот, многие важнейшие события его жизни стали предметом его собственного социологического анализа и содержанием опубликованной им тетралогии «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (Алексеев 2003, 2005). Небольшой тираж четырехтомника (400 экземпляров) делает круг людей, имеющих его на своих полках, крайне узким; но его потенциальная читательская аудитория огромна: все четыре тома этого труда выложены в Интернете.

В начале 1980-х гг. ряд обстоятельств личного и общественного характера привели Алексеева, в прошлом успешного журналиста, сложившегося социолога, кандидата наук, сотрудника академического социологического института, на один из крупных ленинградских заводов. Это не был вынужденный акт, скорее — собственная инициатива. Став наладчиком и оператором координатно-револьверного пресса, позволявшего производить на листовых деталях высокоточные дыропробивные работы, он в течение восьми с половиной лет наблюдал различные формы взаимоотношений в производственном процессе и общественной жизни на заводе. Многие из увиденного — прочувствованного — осознанного стало ядром его повествования.

Исходно наблюдаемая Алексеевым социальная реальность включала собственно производственные процессы и межличностные коллизии внутрицехового и общезаводского масштаба. Анализируя эти взаимоотношения, социологу-рабочему удалось «подсмотреть» множество форм поведения рабочих, противоречивших стереотипным представлениям о «социалистическом отношении к труду»: разрешенные и отчасти даже поощряемые руководством нарушения трудового законодательства; пьянки «с умом» на рабочем месте; «халтура» по-рабочему, т. е. не плохая работа, а, наоборот, сделанная при минимуме трудозатрат и выгодная себе и производству; «партизанщина» — самовольное нарушение технологии; искусственное сдерживание роста производительности труда; и многое другое.

К началу 1980-х гг. подавляющая часть выявленного Алексеевым была хорошо известна «работягам», не было это все тайной и для большинства заводских социологов. Однако «лукавая» отраслевая и общегосударственная статистика многое намеренно маскировали, а массовые опросы не фиксировали тщательно оберегаемые от внешнего наблюдателя стороны жизнедеятельности производственных коллективов. К тому же широкое обсуждение негативных аспектов организации